

- [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/InternationalMigration2019_Report.pdf. – Дата доступа : 30.03.2020.
5. World Migration Report 2020. International Organization for Migration [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf. – Дата доступа : 30.03.2020.
6. Ковалёва, И. В. Миграционный кризис в Европе: опыт для Беларуси / И. В. Ковалёва // Вестн. МГЛУ. Сер. 3. История, философия, социология, экономика, культурология, политология. – 2017. – № 16. – С. 146–154.
7. В 2018 году мировой объем денежных переводов достиг рекордного уровня. World Bank Group [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2019/04/08/record-high-remittances-sent-globally-in-2018>. – Дата доступа : 30.03.2020.
8. Население Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://myfin.by/wiki/term/naselenie-belarusi>. – Дата доступа : 17.02.2020.
9. Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения. Апрель 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-04/08-04-2019-monitoring.pdf>. – Дата доступа : 17.02.2020.
10. Мурина, И. Стоит ли Беларуси привлекать трудовых мигрантов / И. Мурина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://udf.by/news/sobytie/199915-stoit-li-belarusi-privlekat-trudovyh-migrantov.html>. – Дата доступа : 17.02.2020.
11. Демографический ежегодник Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/357/3571fdc0efdfdb1b8c6c615d0f0b76e3.pdf>. – Дата доступа : 14.02.2020.

Поступила в редакцию 06.04.2020

Д. В. Майборода

ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ПРЕДМЕТОВ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ АКСИОЛОГИИ

Установление корректного значения термина «ценности» требует экспликации понятия «предмет ценности», с которым он зачастую ошибочно отождествляется. В отличие от объекта ценности (того, что оценивается) предмет ценности – то, ценность чего установлена. Формальный реестр предметов ценности включает конкретные (материальные) и абстрактные, частные и общие, простые и сложные, актуальные и потенциальные типы предметов ценности. Особо сложно выявлять наиболее общие (кардинальные) основные процессы как предметы ценности – собственное существование, общество и мир. Их осмысление порождает три главные радикальные гипотезы ценности – индивидуализм, социализм и универсализм (это задает три соответствующие разновидности редуцированного диалогизма), а также концепции, их сочетающие (включая релятивистский диалогизм).

Разработка проекта диалогической аксиологии требует прояснения важнейших ее понятий, прежде всего понятия ценности. В естественном языке и в дискурсе тех академических дисциплин, которые использует имя «ценность», наблюдается настоящий хаос по части понимания выражаемых этим именем значений. Одна из наиболее часто встречающихся ошибок понимания «ценности» – его смешение с тем, что адекватнее называть именами «объект ценности» и «предмет ценности». Именно поэтому адекватное раскрытие данных имен и выступает первой задачей, которая должна быть решена. По мере ее решения важно также указать на специфику диалогических значений изучаемых понятий, чтобы они могли эффективно использоваться в диалогике.

Предметная (объектная) ошибка – некорректное отождествление предмета (объекта) и того значения, которое ему придается в акте познания. В аксиологии предметная ошибка имеет место, когда имя «ценность» понимается как «предмет (объект) ценности», что дает основу определения типа «ценность – это ценный объект/предмет». Ошибочность предметного (объектного) отождествления в аксиологии очевидна по двусмысленности его выражения «эта ценность имеет ценность».

Понятие «предметной (объектной) ошибки» близко термину «натуралистская ошибка», введенному Дж. Э. Муром. Мур предостерегал от натурализации понятия «блага», т.е. от сведения его к обозначению естественных предметов и их свойств [1, с. 101]. Например, если эта статья хороша, то это не дает оснований утверждать, что «благо – это эта статья». То же самое касается и свойств: если структура данной статьи хорошо выстроена, то это совершенно не значит, что можно говорить, что добро – это структура этой статьи. Мур также призывает исключать такую логическую редукцию не только к естественным предметам, но и к предметам идеальным, вследствие чего «благо» остается вовсе неопределяемым понятием.

Прежде всего, стоит отметить, что для описываемой Муром ошибки в целом больше подходит название предметной (объектной). Имя «натуралистическая ошибка» тут предпочтительно, лишь если имена «предметность» и «объективность» воспринимаются как столь позитивные понятия, что их сочетание со словом «ошибка» считается вообще недопустимым. Ясно, что такого рода ситуация возможна только в условиях господства определенной идеологической системы объективизма (предметизма). Интересно, что аналогичная (и возможно, связанная) ситуация имела место в советской культуре, где «натурализм» осуждался в условиях, когда было идеологически невозможно признавать ошибки «материализма», но все же требовалось их каким-то образом корректировать для развития науки и искусства. Ясно, что такое замещение имен должно по возможности корректироваться, поскольку вносит существенную путаницу в рассуждения. Помимо прямого эффекта более четкого понимания сути этой ошибки, уточнение ее имени важно и потому, что позволяет более точно использовать понятие «натурализма»

в аксиологии как подхода, который настаивает на естественности ценностной сферы в противовес представлениям о том, что она сверхприродна – метафизична или автономно культурна. В этом смысле натурализм в аксиологии ни в коей мере не ошибка, но только гипотеза, которая имеет сегодня свои весьма значительные подтверждения.

Затем важно, что предметная (объектная) ошибка не специфична для сферы морали или этики, а является универсальной для философских рассуждений в принципе. Например, она выражается в редукции к определенным предметам (объектам) или их свойствам понятия «истины» («адекватности», «соответствия» и т.д.) в гносеологии, «правильности» («допустимости», «логичности» и т.д.) – в логике, «прекрасного» («впечатляющего», «гениального» и т.д.) – в эстетике, «бытия» («сущего», «мира» и т.д.) – в онтологии. Мартин Хайдеггер выстроил свой чрезвычайно влиятельный проект фундаментальной онтологии как раз на почве критики редукции бытия к сущему [2, с. 4]. Предметная (объектная) ошибка подразумевает недооценку субъективности (которая в свою очередь может быть переоценена при субъективной ошибке). То, что предметная (объектная) ошибка свойственна философским рассуждениям в целом, должно учитываться при изучении любой отдельной их сферы, в том числе аксиологии.

Наконец, в рамках аксиологии предметная (объектная) ошибка рассматривается прежде всего как некорректное определение понятия «ценности». Понятие «ценности» лишь в особой интерпретации совпадает с «благом», поскольку, во-первых, аксиология не исчерпывается только этикой, но включает в себя, по крайней мере, еще и эстетику (т.е. понятие «прекрасного»), а во-вторых, ценность может быть нейтральной и даже негативной. Правда, это не означает, что точка зрения, которая отождествляет благо и ценность, ошибочна, она просто должна приниматься как один из допустимых вариантов адекватного аксиологического описания, свободно конкурирующий с другими концепциями.

В общем предметная (объектная) ошибка в аксиологии имеет место в силу того, что ценность наиболее просто и явно выражается именно в предметах (объектах). Но поскольку ценные предметы (объекты) действительно наиболее прямо указывают на ценность, ее выявление следует начать с детального изучения именно их.

Для начала зафиксируем разницу объектов и предметов ценности. Это очень близкие по значению понятия, нюанс разницы которых – в том, что первое описывает то, что мыслится как ценное, а второе – то, что уже принято как ценное. Это – частное проявление гносеологического и праксиологического употреблений этих понятий (объект – то, что познается или подвергается действию, предмет – то, что уже познано или преобразовано). В реальном опыте рассматриваемые понятия часто сложно различить, поскольку объект всегда дан как предмет.

Употребление понятия «объект ценности» оправдано лишь как указание на то, что ценность присуща предмету вне влияния оценки субъекта (это,

например, имеется в виду, когда утверждается, что «этот самородок объективно ценен, но не для меня»). Однако это указание – допустимая, но слишком зыбкая гипотеза, фактически скорее следовало бы утверждать, что ничто не ценно вне оценки, хотя способы осознания ценности не всегда тривиальны. Объект ценности дан только как предмет ценности, хотя при этом он может сознаваться как отчужденный от его представления конкретным субъектом, в том числе и во времени (так ретроспективно он представляется как имевший ценность еще до его осознания ценным) или в пространстве (так стереоскопически он представляется как имеющий ценность для других людей). Вместе с тем нельзя отрицать, что несмотря на то, что предмет ценности никогда не может быть корректно осознан как чистый объект, конституирование объективности все же отнюдь не лишено смысла, поскольку оно важно как для коррекций субъективных искажений осознания ценности, так и для раскрытия диахронического и диалогического его постижения.

Для раскрытия понятия «предмет ценности» уместно создать реестр его объема, но для грамотного осуществления данной задачи важно уяснить смысловую разницу между логической и онтологической предметностью. С точки зрения логики предмет – все, что вообще создается, выступает содержанием мысли, выражаемой понятиями. Не следует путать предметы с вещами, предметами вещественного мира. Вещи – наиболее явно признаваемые предметы, и именно поэтому может возникать иллюзия, что предметы – только то, что существует вещественно. Ошибочность такого взгляда очевидна уже в сфере онтологии, поскольку материя не исчерпывается веществом, а следовательно, существуют по крайней мере также волновые материальные предметы. Логика же вынуждает признать существование не только материальных, но и идеальных предметов, поскольку абстракции вполне могут выступать содержанием мысли. Следует учитывать, что идеальные предметы также не обязательно статичны, но вполне могут быть динамическими, т.е. по сути процессами.

Сказанное напрямую относится к «предметам ценности». «Предмет ценности» – все, что осознано как ценное. Таковыми выступают не только вещественные предметы ценности, хотя именно с их характеристики в силу их явности и понятности стоит и начинать. Охарактеризовав материальные предметы ценности, следует рассмотреть также и более неочевидные абстрактные предметы ценности, условно располагая их в рамках «плоской онтологии» (то есть размещая на одном уровне реестра) не в силу доказанности достоверности именно этой модели, а по причине ее простоты и нейтральности (то есть в качестве основы для разработки более корректных последующих моделей).

Вещественные предметы ценности расхожим мнением считаются в первую очередь так называемыми материальными ценностями (или в более узком значении хозяйственными благами). Таковыми выступают товары с их потребительской и меновой стоимостью (например, дом, утварь или произве-

дения искусства) и ресурсы (полезные ископаемые, земля, вода, животные, растения и т.д.). Причина того, что именно они наиболее просто сознаются как предметы ценности, – в их наглядности или конкретности. Чем менее чувственно воспринимаем объект, тем меньше вероятность, что он будет считаться ценным предметом (мощный автомобиль обычно выигрывает по оценке значимости у чистого воздуха, хотя по идее последний гораздо более необходим для качества жизни).

Более частные предметы вообще в силу их наглядности чаще признаются предметами ценности в сравнении с более общими (так шедевр – более очевидный предмет ценности, чем произведение искусства вообще). И так вплоть до конкретных экземпляров (мой дом воспринимается как более ценный, чем жилище вообще, данное рассуждение кажется ценнее, чем философские размышления в принципе).

Материальные предметы ценности, помимо ценных вещей, включают в себя также и особые волновые предметы, поскольку и материя – не только вещество, но и поле. Такие предметы можно рассматривать как процессы (а в более точном смысле и то, что мы воспринимаем как вещь, также представляет собой процесс). Хороший пример материальных предметов ценности, которые не исчерпываются лишь их вещественным видом, – это деньги. Ясно, что товарные и обеспеченные деньги могут в некотором смысле описываться как вещественные предметы, однако это уже не касается электронных денег, которые вместе с тем вполне материальны. Сигналы (оптические, акустические, электромагнитные и прочие волны) – вообще отличная экземпляфикация материи, не имеющей массы покоя. Музыкальное, кинематографическое или литературное произведение, перформативные акты в театральном, танцевальном или изобразительном искусстве, представления СМИ – те невещественные, но при этом вполне материальные предметы, которые в современную информационную эпоху ценятся зачастую гораздо сильнее, чем материальные вещи. Вышеназванные предметы ценности допустимо также именовать конкретными по сравнению с абстрактными.

Абстрактные предметы ценности – свойства конкретных объектов, рассматриваемые как условно независимые от них. Если эти свойства легко чувственно ощущаются (например, комфорт, скорость или интенсивность), они даже могут трактоваться как материальные, хотя фактически они самостоятельно не существуют и потому признаются так называемыми нематериальными ценностями. Наиболее общие абстракции (такие как адекватность, функциональность и соразмерность) в силу своей обобщенной значимости нередко воспринимаются как ценности сами по себе. При этом зачастую осуществляется их объективация или субъективация.

Объективация абстракций как ценностей имеет место, когда утверждается их самостоятельное существование, независимое от субъекта. Эта трактовка свойственна концепциям объективного идеализма, особенно классическому образу платонизма, и обосновывается потребностью преодо-

ления познавательного субъективизма или даже индивидуализма. Объективированные предельные абстракции тут рассматриваются как руководящие образы всякого познания и практики, как критерии оценки всякого конкретного предмета ценности. Некорректность объективно-идеалистической концепции ценностей ясно проявляется в двусмысленности ее формулы: «ценность – вещь идеального мира, предопределяющая ценность материальных предметов». Двусмысленность «ценность предопределяет ценность» – явный результат платонического удвоения реальности, в достаточной мере подвергнутого критике еще Аристотелем.

Другой крайностью выступает субъективация абстракций как предметов ценности, когда утверждается, что они вообще не имеют отношения к миру, будучи только особыми формами представлений или понятий. В субъективно-идеалистических концепциях из принципа «быть ценностью – значит быть воспринимаемым как ценность» делается вывод, что «ценность и есть представление о ценности». Такой феноменализм перерастает в номинализм, утверждающий, что ценность – только имя, фикция, посредством которой мы осваиваем мир. В радикальной трактовке феноменализм и номинализм перерастают в индивидуализм: у каждого мыслящего – свое представление и понятие о ценности. Ошибочность субъективно-идеалистического определения ценности явно проявляется в двусмысленности его формулы: «ценность – субъективное представление (понятие), предопределяющее ценность материальных предметов». Формально – это та же двусмысленность «ценность предопределяет ценность», что имела место и в объективном идеализме, а потому следует отвергнуть не только эти две редакции, но идеалистическое искажение в целом. Идеалистическая ошибка (в аксиологии – это сведение ценности к абстрактным предметам ценности) представляет собой частный случай предметной ошибки.

Важно отметить, что отвержение идеалистической ошибки означает отвержение также и интерсубъективного идеализма, утверждающего, что ценности – абстрактные предметы общественного сознания. Эта трактовка близка диалогизму, и ничто не мешает ему быть подверженным предметной (объектной) ошибке, – ничто, кроме истины. Именно поэтому важно обозначить специфику корректной формы диалогизма. Интерсубъективный идеализм формулируется в ценности – установленные в обществе представления, предопределяющие ценность материальных предметов. Интерсубъективность при этом может как ограничиваться каким-то конкретным сообществом (академической институцией, нацией, исторической или экономической общностью), так и размыкаться в предельно широкий объем, такой как общечеловеческое сообщество или даже сообщество всех мыслящих существ. Абсолютный идеализм утверждает, что ценности – универсальные инварианты представлений (то есть формы, реализующиеся во всяком возможном мышлении), предопределяющие ценность материальных предметов. Ясно, что и в этих случаях относительного и абсолютного идеализма имеет место ошибка «ценность предопределяет ценность».

Корректная форма диалогизма потому должна подразумевать четкое осознание разницы ценности и предмета ценности, даже если он – предельно абстрактный предмет ценности, представление о ценности или даже определенная форма представления о ценности. Ясно, что представление о ценности крайне важно для выявления самой этой ценности, но это не дает достаточного основания для смешения этих понятий. Говоря более широко, диалогизм в его корректной форме не должен подразумевать ни объективистского, ни субъективистского, ни материалистического, ни идеалистического «крена», ведь в диалоге равно важны все эти аспекты.

Несмотря на всю нетривиальность обозначенных выше предметов ценности, все они относились в основном к действительным предметам ценности, однако следует учитывать и то, что существуют также и потенциальные предметы ценности (некоторые из них могут оцениваться даже выше, чем актуальные). Это касается как материальных предметов (будущие картина или здание ценятся выше, чем существующие их набросок или план), так и абстрактных (приобретаемая квалификация или другое запланированное достижение сознаются как более ценные, чем актуальная прокрастинация). Важность учета потенциальных предметов ценности значима прежде всего в силу нестационарности бытия. В связи с этим особенно ценный предмет – способность мыслящего ценить возможное выше актуального, в чем – залог креативности и действенное начало подлинной культуры.

Похожая ситуация – со сложными предметами ценности, которые куда менее очевидны для осознания, чем простые. Конечно, легко осознать, что тот или иной предмет ценности – система, состоящая из более простых частей, находящихся в устойчивых связях. Вообще вопрос о том, существует ли простой предмет ценности, следует оставить открытым, как и вопрос о пределе делимости предметов в принципе. Ясно также, что ценности целого и частей взаимно коррелируют (качественный мотор и кузов увеличивают ценность автомобиля, а в свою очередь хорошая машина позволяет с большей отдачей использовать ее агрегаты, что и есть проявление их ценности).

Несколько сложнее понять, что всякий данный предмет ценности – элемент более сложного предмета, определяющего его ценность, и эта взаимосвязь носит всеобщий характер (данное рассуждение ценно как часть аксиологии, которая важна для рационализации человеческой деятельности как значимой составляющей биосферы и т.д.). Но это не значит, что ценность части сводится лишь к ее значению в рамках заданной системы, поскольку она всегда сохраняет потенциал большей значимости в других системах (например, когда хороший стол перевозится из интерьера покидаемого дома в новое жилище, а также когда человек размышляет об иммиграции в более успешное сообщество). В обобщенном смысле любой предмет ценен как часть некоторой системы, включающей в себя в том числе и оценивающего субъекта, а с точки зрения диалогизма – даже субъектов, взаимодействующих в придании ценности этому предмету.

В сложном предмете ценности значимы не только части, но и отношения между ними, причем не только те устойчивые взаимосвязи, которые и создают сложные объекты, но и связи случайные, одни из которых поддерживают устойчивые отношения, другие – преобразуют, задавая развитие предмета. Как таковые неустойчивые связи зачастую более ценны, чем связи случайные, поскольку они формируют потенциальную систему, актуализация которой и есть будущее.

Выявление отношений как предметов ценности затрудняется тем, что они неявны (скрыты за объектами, в них вовлеченными), часто сложно организованы (в том числе за счет их опосредования другими связями и несимметричной формы, в частности, когда отношение с разных позиций описывается как действенное и страдательное) и крайне разнообразны (соединяют элементы как одного рода, так и совершенно разных – материальные вещи и абстракции, статичные объекты и сложные процессы, актуальные и потенциальные предметы).

Предметная (объектная) склонность человеческого мышления тут опять-таки сказывается, задавая склонность сознать отношения как вторичные в сравнении с их элементами, даже когда это очевидно не так. Например, ясно, что быстрота автомобиля – функция от соотношения скоростей данной и других машин, а цвет яблока определяется ситуацией регистрации его наблюдателем, а не является некоторым «объективным» его свойством (еще более удивительный случай этого рода представляет так называемый двушелевой опыт в квантовой физике). Также явно это при социализации в сравнительно «закрытом» обществе – институционализированное отношение предопределяет формальные характеристики включаемого в него агента, требуя специального его для этого образования (в отличие от «открытой» культуры, в котором общественные отношения быстро подстраиваются под индивидуальные особенности каждого нового члена). Вместе с тем ясно, что факты, указывающие на первичность отношения к его элементам, не исчерпывают собой всей эмпирической базы науки, в ней есть немало фактов, из которых следует обратное, а также есть и те, что свидетельствуют, что отношения формируются одновременно с по крайней мере одним включаемым в него предметом. Многообразие фактов заставляет оставить вопрос первичности открытым, но при этом вынуждает критически относиться к однозначно предметной (объектной) его интерпретации.

Важно понимать, что факты – также есть сложные предметы ценности, регистрируемые как статичные, или процессуальные, но уже завершённые и потому позволяющие составить более или менее адекватную целостную их картину. Несмотря на то, что наиболее очевидными фактами выступают «положения вещей», нельзя из ряда фактов исключать и менее тривиальные предметы, такие как отношения между вещью и свойством, действительным проявлением вещи и ее возможностями. Определяющее свойство факта – отношение регистрируемого содержания к регистрирующему субъекту с его образами и понятиями (к примеру, установленные экспертом соответствие

изделия предъявляемым требованиям или соразмерность объектов). Факт – элемент познания, и как таковой он – предмет прежде всего познавательной ценности, но посредством ее он значим также и практически.

Наконец, особыми предметами ценности предстают и те процессы, которые не завершены, и потому не позволяющие познать их более или менее адекватную целостную картину. Крайние примеры таких предметов суть *собственное существование, сообщество и Вселенная*. Поскольку они не могут быть познаны как факты (то есть в их завершенности), их постижение всегда частично и гипотетично, то есть они представляют себе ближайшие примеры того, что Кант называл «ноуменами». С другой стороны, также в кантовском смысле они представляют собой те идеи, которые задают основной смысл всех остальных процессов, включая факты, а потому их постижение не может бесконечно «откладываться на потом». Их можно описать как «основные предметы ценности» в том смысле, что они предзадают ценность всех прочих предметов. Стоит дополнительно оговориться, что то, что в данном ряду не выделяется «Бог», обосновано тем, что такое размещение неадекватно ни одному способу снятия онтологической неопределенности в данном вопросе, – с атеистической точки зрения Бога нет, а в теизме Бог – ни в коем случае не предмет ценности, но ее Абсолютный Субъект.

Трактовки основных предметов ценности нетривиальны, тут встречаются концепции как радикальной однозначности, так и относительной однозначности/многозначности или крайней многозначности. Радикальный монизм в трактовке кардинальных предметов ценности имеет три соответствующих формы – *индивидуализм, социализм и универсализм*, соответственно им есть три формы редуцированного диалогизма. Индивидуалист считает, что по-настоящему категорическим предметом ценности выступает только собственное существование, и эта позиция столь же неопровержима, как и солипсизм в принципе (индивидуалистический диалогист рассматривает собственное существование как внутренний диалог). Социалист утверждает, что предельная ценность свойственна конкретному сообществу людей, человеческому роду в целом или даже неограниченной совокупности мыслящих или даже попросту живых существ, и только через них определяется ценность индивида и мира, и эта позиция также не может быть полностью оспорена (социалистический диалогист интерпретирует общество как общение). Наконец, точка зрения, в соответствии с которой абсолютный предмет ценности – универсум в целом, и именно он определяет ценность всякого индивида и сообщества, также не может быть совершенно ниспровергнута (универсалистский диалогизм видит мир как всеобщее взаимодействие).

Умеренная однозначность – представление, что хотя главный предмет ценности из одной из трех названных сфер и придает основную ценность остальным двум, есть условная их ценностная самостоятельность. Например, в умеренно социалистической трактовке исток ценности любого предмета – общество, но ценность развитых индивидуальности или взаимодействия

общества с окружающим миром не может быть полностью сведена лишь к этому истоку, открываясь в более широкой перспективе (в том числе в сфере перспектив). Три соответственные главным гипотезам смысла и ценности умеренные позиции дают основу соответственным типам умеренного диалогизма в аксиологии.

Наконец, аксиология крайней многозначности утверждает, что параллельно значимы два или все три основных предмета ценности, что в конкретике (с учетом того, что каждый человек, общество и явление природы может трактоваться как основной предмет ценности) дает чрезвычайно сложную динамическую сеть предметов ценности. Этой позиции соответствует релятивистский диалогизм, который признает потенциальную равноценность всех событий диалога вне различия их сфер.

Рассмотренный основной реестр предметов ценности (включающий конкретные (материальные) и абстрактные, частные и общие, простые и сложные, актуальные и потенциальные типы, а также кардинальные предметы ценности – собственное существование, общество и мир) дает лучшее основание для понимания ценности, хоть и не отвечает на вопрос о сути этого понятия. Но, по крайней мере, из этого рассмотрения ясно, что то, что ценность – предмет мысли, не дает оснований отождествлять ее с предметом ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мур, Дж. Э. Принципы этики / Дж. Э. Мур ; пер. с англ. Л. В. Коноваловой. – М. : Прогресс, 1984. – 327 с.
2. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. – М. : Академ. проект, 2013. – 460 с.

Поступила в редакцию 30.03.2020

Б. Я. Мигас

ВЛИЯНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ ТРУДА НА СОЦИАЛЬНУЮ СТРУКТУРУ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

В статье прослеживается эволюция содержания и характера труда в условиях разных технологических укладов благодаря передаче производственных функций работника, включая контрольно-управленческую и логическую, механизмам, приборам, роботам и искусственному интеллекту. На этой основе анализируются и процессы мобильности, места работника в экономических и социально-классовых отношениях постиндустриального общества, некоторые перспективы и риски на этом пути. Особое внимание уделено протеканию данных процессов в Беларуси.

Труд позволил человеку подняться на высшую ступень развития природы и целесообразно преобразовывать ее, действуя сознательно и коллективно с помощью инструментов, технологий, науки и техники. Причем происходит